

НОЧЛЕГ

Это случилось в одной глухой гористой мѣстности на югѣ Испаніи.

Была іюньская ночь, было полнолуніе, небольшая луна стояла в зенитѣ, но свѣтъ ея, слегка розоватый, как это бывает в жаркія ночи послѣ кратких дневных ливней, столь обычных в пору цвѣтенія лилій, все же так ярко озарял перевалы невысоких гор, покрытых низкорослым южным лѣсом, что глаз ясно различал их до самых горизонтов.

Узкая долина шла между этими перевалами. И в тѣни от возвышенностей за нею, в мертвой тишинѣ этой пустынной ночи, однообразно шумѣлъ горный поток и таинственно плыли и плыли, мѣрно погасая и мѣрно вспыхивая то аметистом, то топазом, летучіе свѣтляки, лючіоли. Противоположныя возвышенности отступали от долины, и по низменности под ними пролетала древняя каменная дорога. Столь же древним, даже первобытным казался на ней, на этой низменности, и тот каменный городок, куда в этот уже довольно поздній час шагом въѣхал на гнѣдом жеребцѣ, припадавшем на переднюю правую ногу, высокой мароканец в широком бурнусѣ из бѣлой шерсти и в мароканской фескѣ.

Городок казался вымершим, заброшенным. Да он и был таим. Мароканец проѣхал сперва по тѣнистой улицѣ, между каменными остовами домов, зіявших черными пустотами на мѣстѣ окон, с одичавшими садами за ними. Но затѣм он выѣхал на свѣтлую площадь, посреди которой был длинный водоем с навѣсом, справа церковь с голубой статуей Мадонны над порталом, слѣва нѣсколько болѣе современных домов, еще обитаемых, а впереди, уже на выѣздѣ, постоялый двор. В прочих домах было темно, но там, в нижнем этажѣ, маленькія окна были освѣщены, и мароканец, уже дремавшій, очнулся и натянул поводья, что заставило хромающую лошадь бодрѣй загучать по ухабистым камням площади.

На этот стук вышла на порог постоялаго двора маленькая, тощая старуха, которую можно было принять за нищую, выскочила круглоликая дѣвочка лѣтъ пятнадцати, с чолкой на лбу, в эспадрильях на босу ногу, в легоньком платьицѣ цвѣта блеклой глицинии, и поднялась лежавшая у порога огромная черная собака с гладкой шерстью и короткими, торчком стоящими ушами. Ма-

мароканец спѣшился возлѣ порога, и собака тотчас вся подалась вперед, сверкнувъ глазами и точно с омерзением оскалив бѣлые страшные зубы. Мароканецъ взмахнул плетью, но дѣвочка его предупредила:

— Негра! — звонко крикнула она в испугѣ, — что с тобой?

И собака, опустив голову, медленно отошла и легла мордой къ стѣнѣ дома.

Мароканецъ сказал на дурном испанскомъ языкѣ привѣтствіе и стал спрашивать, есть ли в городѣ кузнецъ, чтобы завтра можно было осмотрѣть копыто лошади, гдѣ можно поставить ее на ночь и найдется ли корм для нея, а для него какой-нибудь ужин? Дѣвочка с живымъ любопытствомъ смотрѣла на его большой рост и небольшое очень смуглое лицо, извѣденное оспой, опасливо косилась на черную собаку, лежавшую смиренно, но как будто обиженно, старуха, тугая на ухо, поспѣшно отвѣчала крикливымъ голосомъ: кузнецъ есть, работникъ спит на скотномъ дворѣ рядомъ с домом, но она сейчасъ же его разбудит и отпуститъ корму для лошади, что же до кушанья, то пусть гость не взыщетъ: можно сжарить яичницу с салом, но от ужина осталось только немного холодныхъ бобовъ да рагу из овощей... И черезъ полчаса, управившись с лошадью при помощи работника, вѣчно пьянаго старика, мароканецъ уже сидѣлъ за столомъ в кухнѣ, жадно ѣлъ и жадно пил желтоватое бѣлое вино.

Домъ постоялаго двора былъ очень старинный. Нижний этажъ его дѣлился длинными сѣнями, в концѣ которыхъ была крутая, узкая лѣстница в верхній этаж, на двѣ половины: налѣво находилась просторная, низкая комната с нарами для простаго люда, направо — такая же просторная, низкая кухня и вмѣстѣ с тѣмъ столовая, вся по потолку и по стѣнамъ густо закопченная дымомъ, с маленькими и очень глубокими по причинѣ очень толстыхъ стѣнъ окнами, с очагомъ в дальнемъ углу, с грубыми голыми столами и скамьями возлѣ них, скользкими от времени, с каменнымъ неровнымъ поломъ. В ней теперь горѣла керосиновая лампа, свисавшая с потолка на почернѣвшей желѣзной цѣпи, пахло топкой и горѣлым саломъ, — старуха развела на очагѣ огонь, разогрѣла прокисшее рагу и жарила для гостя яичницу, пока он ѣлъ холодные бобы, политые уксусомъ и зеленымъ оливковымъ масломъ. Онъ не раздѣлся, не снялъ бурнуса, сидѣлъ, широко разставивъ ноги, обутыя в толстые кожаные башмаки, над которыми были узко схвачены по шиколкѣ широкія штаны из той же бѣлой шерсти. И дѣвочка, помогая старухѣ и прислуживая ему, теперь уже то и дѣло пугалась от его быстрыхъ, внезапныхъ взглядовъ на нее, от его синеватыхъ бѣлковъ, выдѣлявшихся на сухомъ и рябомъ темномъ лицѣ с лиловыми губами. Онъ и безъ того былъ страшенъ ей. Очень высокій ростомъ, онъ былъ широкъ от бурнуса и тѣмъ меньше казалась его голова в фескѣ. По угламъ его верхней губы курчавились жесткіе черные волосы, курчавились такіе-же кое-гдѣ и на подбородкѣ. Голова была слегка откинута назад, отчего особенно торчалъ крупный кадыкъ в олив-

ковой кожѣ. На тонких почти черных пальцах бѣлѣли серебряныя кольца. Он ѣд, шил и все время молчал.

Когда старуха, разогрѣвъ рагу и сжаривъ яичницу, утомленно сѣла на скамью возлѣ потухшаго очага и крикливо спросила его, откуда и куда он ѣдет, он гортанно кинулъ в отвѣтъ только одно слово:

— Далеко!

Сѣвъши рагу и яичницу, он помотал уже пустым винным кувшином, — в рагу было много краснаго перцу, — старуха кивнула дѣвочкѣ головой и, когда та, схватив кувшин, мелькнула вон из кухни в ея отворенную дверь, в темныя сѣни гдѣ плыли и вспыхивали свѣтляки, он вынул из-за пазухи пачку папирос, закурил и кинулъ все также кратко:

— Внучка?

— Племянница, сирота, — стала кричать старуха и пустилась в разсказ о том, что она так любила покойнаго брата, откуда дѣвочки, что ради него осталась в дѣвушках, что это ему принадлежал этот постоялый двор, что его жена умерла уже двѣнадцать лѣтъ тому назад, а он сам восемь и все завѣщал в пожизненное владѣніе ей, старухѣ, что дѣла стали очень плохи в этом совсѣм опустѣвшем городкѣ...

Мароканец, затягиваясь папиросой, слушал разсѣянно, думая что-то свое. Дѣвочка вбѣжала с полным кувшином, он, взглянув на нее, так крѣпко затынулся окурком, что обжег кончики острых черных пальцев, поспѣшно закурив новую папиросу и раздѣльно сказал, обращаясь к старухѣ, глухоту которой он уже замѣтил:

— Мнѣ будет очень пріятно, если твоя племянница сама нальет мнѣ вина.

— Это не ея дѣло, — отрѣзала старуха, легко переходившая от болтливости к рѣзкой краткости, и стала сердито кричать:

— Уж поздно, допивай вино и иди спать, она сейчас будет стелить тебѣ постель в верхней комнатѣ!

Дѣвочка оживленно блеснула глазами и, не дожидаясь приказанія, опять выскочила вон, быстро затопала по лѣстницѣ наверх.

— А вы обѣ гдѣ спите? — спросил мароканец и слегка сдвинулъ феску с потнаго лба. — Тоже наверху?

Старуха закричала, что там слишком жарко лѣтом, что, когда нѣтъ постояльцев, — а их теперь почти никогда нѣтъ! — онѣ спят в другой нижней половинѣ дома, — вот тут напротив, — указала она рукой в сѣни и опять пустилась в жалобы на плохія дѣла и на то, что все стало очень дорого и что поэтому поневолѣ приходится брать дорого и с проѣзжих...

— Я завтра уѣду рано, — сказал мароканец, уже явно не слушая ея. — А утром ты дашь мнѣ только кофе. Значит, ты можешь теперь же счесть, сколько с меня слѣдует, и я сейчас же расплачусь с тобой. — Посмотрим только, гдѣ у меня мелкія деньги, — прибавил он и вынул из-под бурнуса мѣшочек из красной мяг-

кой кожи, развязал, растянул ремешок, который стягивал его отверстие, высыпал на стол кучку золотых монет и сдѣлал вид, что внимательно считает их, а старуха даже привстала со скамьи возле очага, глядя на монеты округлившимися глазами.

Наверху было темно и очень жарко. Дѣвочка отворила дверь в душную, горячую темноту, в которой остро свѣтились щели ставней, закрытых за двумя такими же маленькими, как и внизу, окнами, лобко вильнула в темнотѣ мимо круглаго стола посреди комнаты, отворила окно и, толкнув, распахнула ставни на сіяющую лунную ночь, на огромное свѣтлое небо с рѣдкими звѣздами. Стало легче дышать, стал слышен поток на долинь. Дѣвочка высунулась из окна, чтобы взглянуть на луну, невидную из комнаты, стоявшую все еще очень высоко, потом взглянула вниз: внизу стояла и, подняв морду, глядѣла на нее собака, прибудным щенком забѣжавшая откуда-то дѣт пять тому назад на постоялый двор, выросшая на ее глазах и привязавшаяся к ней с той преданностью, на которую способны только собаки.

— Негра, — шопотом сказала дѣвочка, — почему ты не спишь?

Собака слабо взвизгнула, мотнув вверх мордой, и кинулась к отворенной двери в сѣни.

— Назад, назад! — шеспѣшным шопотом приказала дѣвочка. — На мѣсто!

Собака остановилась и опять подняла морду, сверкнув красным огоньком глаз.

— Что тебѣ надо? — ласково заговорила дѣвочка, всегда разговаривавшая с ней как с человѣком. — Почему ты не спишь, глупая? Это луна так тревожит тебя?

Как бы желая что-то отвѣтить, собака опять потянулась вверх мордой, опять тихонько взвизгнула. Дѣвочка пожала плечом. Собака была для нея тоже самым близким, пока даже единственным близким существом на свѣтѣ, чувства и помыслы котораго казались ей почти всегда понятными. Но что хотѣла выразить собака сейчас, что ее тревожило нынче, она не понимала и потому только строго погрозила пальцем и опять приказала притворно-сердитым шопотом:

— На мѣсто, Негра! Спать!

Собака легла, дѣвочка еще немного постояла у окна, подумала о ней. Возможно, что ее тревожил этот страшный мароканец. Почти всегда встрѣчала она постояльцев двора спокойно, не обращала вниманія даже на таких, что с виду казались разбойниками, каторжниками. Но все же случалось, что на нѣкоторых кидалась она почему-то как бѣшеная, с громким ревом, и тогда только она одна могла смирить ее. Впрочем могла быть и другая причина ее тревоги, ее раздраженія — эта жаркая, без малѣйшаго движенія воздуха и такая полнолунная ночь. Хорошо слышно было в необыкновенной тишинѣ этой ночи, как шумѣл поток в долинь, как ходил, топал копытами козел, жившій на скожном дворѣ, как

вдруг кто-то, — не то старый мул постоялаго двора, не то жеребец мароканца, — со стуком лягнул его, а он так громко и гадко заблеял, что, казалось, по всему міру раздалось это дьявольское блеяніе. И дѣвочка весело отскочила от окна, растворила другое, распахнула и там ставни. Сумрак комнаты стал еще свѣтлѣе. Кромѣ стола, в ней стояли у правой от входа стѣны, изголовьями к ней, три широких кровати, крытыя только грубыми простынями. Дѣвочка откинула простыню на первой от входа кровати, поправила изголовье, вдруг сказочно освѣтившееся прозрачным, нѣжным голубоватым свѣтом: это был свѣтляк, свѣсившій на ея чолку. Она провела по ней рукой — и свѣтляк, мерцая и погасая, поплыл по комнатѣ. Дѣвочка легонько зашѣла и побѣжала вон.

В кухнѣ во весь свой рост стоял спиной к ней мароканец и что-то негромко, но настойчиво и раздраженно говорил старухѣ. Старуха отрицательно мотала головой. Мароканец вздернул плечами и с таким злобным выраженіем лица обернулся к вошедшей дѣвочкѣ, что она отшатнулась.

— Готова постель? — гортанно крикнул он.

— Все готово, — торопливо отвѣтила дѣвочка.

— Но я не знаю, куда мнѣ идти. Проводи меня.

— Я сама провожу тебя, — сердито сказала старухе. — Иди за мной.

Дѣвочка послушала, как медленно топала она по крутой лѣстницѣ, как стучал за ней башмаками мароканец, и вышла наружу. Собака, лежавшая у порога, тотчас вскочила, взвилась и, вся дрожа от радости и нѣжности, лизнула ее в лицо.

— Пошла вон, пошла вон, — зашептала дѣвочка, ласково оттолкнула ее и сѣла на порогѣ. Собака тоже сѣла на заднія лапы, и дѣвочка обняла ее за шею, поцѣловала в лоб и стала покачиваться вмѣстѣ с ней, чутко слушая тяжелые шаги и гортанный говор мароканца в верхней комнатѣ. Он что-то уже спокойнѣе говорил старухѣ, но нельзя было разобрать что. Наконец он сказал громко:

— Ну, хорошо, хорошо! Только пусть она принесет мнѣ воды для питья на ночь.

И слышались шаги осторожно сходящей по лѣстницѣ старухи.

Дѣвочка вошла в сѣни навстрѣчу ей и твердо сказала:

— Я слышала, что он говорил. Нѣтъ, я не пойду к нему. Я его боюсь.

— Глупости, глупости, — закричала старуха. — Ты, значит, думаешь, что я опять сама пойду с моими ногами да еще в темнотѣ и по такой скользкой лѣстницѣ? И совсѣм нечего бояться его. Он только очень глупый и вспыльчивый, но он добрый. Он все говорил мнѣ, что ему жалко тебя, что ты дѣвочка бѣдная, что никто не возьмет тебя замуж без приданого. Да и правда, какое же у тебя приданое? Мы вѣдь совсѣм разорились. Кто теперь у нас останавливается кромѣ нищих мужиков!

— Чего ж он так злился, когда я вошла? — спросила дѣвочка.

Старуха смутилась.

— Чего, чего! — забормотала она. — Я сказала ему, чтобы он не вмѣшивался в чужія дѣла... Вот он и обидѣлся...

И сердито закричала:

— Ступай скорѣй, набери воды и отнеси ему. Он обѣщал что-нибудь подарить тебѣ за это. Иди, говорю!

Когда дѣвочка вбѣжала с полным кувшином в отворенную дверь верхней комнаты, мароканец лежал на кровати уже совсѣм раздѣтый: в свѣтлом лунном сумракѣ пронзительно чернѣли его птичьи глаза, чернѣла маленькая коротко стриженная голова, бѣлѣла длинная рубаха, торчали большія голыя ступни. На столѣ среди комнаты блестял большой револьвер с барабаном и длинным дулом, на кровати рядом с его кроватью бѣлым бугром была навалена его верхняя одежда... Все это было очень жутко. Дѣвочка с разбѣгу сунула на стол кувшин и, пробормотав пожеланіе покойной ночи, опростеью кинулась назад, но мароканец вскочил и поймал ее за руку.

— погоди, погоди, — быстро сказал он, потянув ее к кровати, сѣл, не выпуская ее руки, и зашептал: — Сядь возлѣ меня на минутку, сядь, сядь, послушай... только послушай...

Ошеломленная, дѣвочка покорно сѣла. И он торопливо стал клясться, что влюбился в нее без памяти, что за один ее поцѣлуй даст ей десять золотых монет... двадцать монет... что у него их цѣлый мѣшочек...

И, выдернув из-под изголовья мѣшочек красной кожи, трясущимися руками растянул его, высыпал на постель возлѣ нея, бормоча:

— Вот видишь, сколько их у меня... Видишь?

Она отчаянно замотала головой и вскочила с кровати. Но он опять мгновенно поймал ее и, зажав ей рот своей сухой, цѣпкой рукой, бросил ее на кровать. Она с яростной силой сорвала его руку и пронзительно крикнула:

— Негра!

Он опять стиснул ей рот вмѣстѣ с носом, стал другой рукой ловить ее заголившіяся ноги, которыми она, брыкаясь больно била его в живот, но в ту же минуту услышал рев вихрем мчащейся по лѣстницѣ собаки. Вскочив на ноги, он схватил со стола револьвер, но не успѣл даже курка поймать, мгновенно сбитый с ног на пол. Защищая лицо от пасти собаки, растянувшейся на нем, обдававшей его огненным псиным дыханіем, он метнулся, скинул подбородок — и собака одной мертвой хваткой вырвала ему все горло.

Ив. Бунин

23-3-1949.